

— Невестка?

Это слово ошеломило не только самого Чжоу Шэна, но и его коллегу Сяо Сюя, который едва не сбил стол. Сяо Сюй переводил взгляд с Чжоу Шэна на знаменитого президента «Шэньюй» и никак не мог сообразить, что здесь происходит.

Одна семья?

С каких пор они стали родственниками?

Чжоу Шэн сориентировался быстрее. Он привычно пододвинул к собеседнику изящную деревянную шкатулку с подарком. Поскольку тот сам решил сократить дистанцию, Чжоу Шэну не было смысла проявлять холодность.

— Старший брат, — произнес он. — Это лишь скромный знак внимания, отражающий нашу искренность в сотрудничестве. Надеюсь, вы не откажетесь.

Чу Суймин внимательно посмотрел на Чжоу Шэна.

— Не ожидал, что придешь именно ты, — с глубоким смыслом заметил он. — К тому же, ты совсем не похож на того человека, которого я себе представлял.

Он кивнул своему помощнику, чтобы тот принял подарок. В присутствии посторонних они оба предпочли не углубляться в эту тему.

Они находились в чайной. Место было выбрано стороной «Шэньюй».

Чу Суймин наблюдал за тем, как Чжоу Шэн вежливо остановил официанта, решив заняться чаем самостоятельно. Ополаскивание посуды, прогрев чашек, пробуждение чайного листа, заваривание — каждое движение было выверенным и неторопливым. Сидя за струящимся паром, он выглядел невероятно гармонично.

Когда Чжоу Шэн протянул ему первую чашку, Чу Суймин не удержался:

— Специально учился?

— Да, — Чжоу Шэн улыбнулся и убрал руку. — В заваривании чая важны лишь посуда, вода, температура и душевный настрой. Не могу назвать себя мастером, но кое-что понимаю. Попробуйте, старший брат.

Чу Суймин считал, что неплохо разбирается в людях. Многие высокопоставленные лица, мнящие себя интеллектуалами, любят устраивать чайные церемонии, чтобы казаться

утонченными, но стоит копнуть глубже — и понимаешь, что за душой у них ничего нет.

Но Чжоу Шэн был другим.

Казалось, он с детства впитывал эту атмосферу, и его манеры были результатом долгого воспитания. Никакого пафоса, никакого хвастовства. Обращаясь к нему как к старшему брату, он ни разу не попытался использовать это родство в своих интересах. Его вежливость при заваривании чая была проявлением искреннего уважения. Такая естественность и открытость в общении встречаются нечасто.

Когда Чу Циньбай объявил о регистрации брака, семья Чу стояла на ушах. Чу Суймин, как старший брат, был против по одной простой причине: Чжоу Шэн был «не тем человеком». Стоило лишь навести справки, как всё становилось ясно.

Но сегодня, с самого порога, все его предубеждения рухнули.

Особенно когда зашел разговор о делах. Глубина мышления и масштаб видения Чжоу Шэна заставили его проникнуться уважением. От целей до мельчайших деталей — они говорили на одном языке, и вскоре их помощники, которые должны были вести протокол, просто забросили записи, завороченно слушая беседу.

Они говорили о политике, о ситуации на рынке, о перспективах развития. Четыре часа пролетели незаметно, за окном уже стемнело, но им обоим было мало.

Чжоу Шэн был удивлен тем, что в этом чистом бизнесмене, каким был Чу Суймин, сохранилась такая искренняя страсть. В нынешние времена, как и в прошлом, полно людей, для которых деньги превыше всего. Именно в вопросах выгоды лучше всего проявляется натура человека.

Чу Суймин же был поражен широтой взглядов Чжоу Шэна. Его способность охватывать суть, умение разворачивать одну мысль в множество стратегий, а также готовность слушать и слышать — всё это восхищало. Он приводил примеры из истории, анализировал инфляцию прошлого века и современные реалии с такой легкостью, словно владел энциклопедическими знаниями.

Чжоу Шэн обладал редким даром убеждения.

Изначально планируя лишь формальную встречу, Чу Суймин прямо на месте принял решение:

— Чжоу Шэн, я согласен на твои условия. Завтра пришлю контракт, обсудим детали. Если всё устроит, уверен, нас ждет долгое и плодотворное сотрудничество.

— Буду ждать, — Чжоу Шэн пожал ему руку с улыбкой.

Обе стороны остались довольны. Даже их помощники, выходя из чайной почти в девять вечера, забыли о утренних сомнениях по поводу отношений этих двоих. В голове крутилось лишь одно: столкновение титана корпорации «Шэньюй» и стремительно взошедшей звезды бизнеса.

Чу Сюймин взглянул на часы:

— Как вы доберетесь? Может, подбросить?

— Нет-нет, спасибо, — Сяо Сюй и остальные поспешно замахали руками. — Не стоит беспокоить господина Чу, мы сами доберемся, еще не поздно.

Чу Сюймин не стал настаивать. Но когда остался один Чжоу Шэн, он предложил снова:

— Я подвезу тебя.

Чжоу Шэн хотел отказаться:

— Я...

— Не спорь, — Чу Сюймин пресек возражения, первым открыв дверь машины. Он посмотрел на него с улыбкой: — Мы одна семья, разве будет лишним, если старший брат тебя подвезет?

Чжоу Шэну нечего было возразить. В делах он был мастером, но в вопросах родственных связей терялся. Ему пришлось сесть в машину.

Они ехали молча. Наконец, Чу Сюймин нарушил тишину:

— Я не особо интересовался, но... как вы с Циньбаем ладите?

Чжоу Шэн повернул голову. Он не знал, распространяется ли соглашение о неразглашении на семью Чу, но Чу Сюймин оставил у него приятное впечатление.

— Неплохо, — честно ответил он. — На самом деле, мы не так уж много времени проводим вместе.

Если говорить прямо — они были совершенно чужими людьми.

Чу Сюймин, однако, подумал иначе и усмехнулся:

— Я знаю его характер. Если вы живете под одной крышей, значит, это ты в основном идешь на

уступки.

Чжоу Шэн покачал головой, не согласившись:

— Дело не в том, кто кому уступает. Господин Чу... у него очень яркая индивидуальность. Общаться с ним довольно любопытно.

Это была правда. Человек, который не лезет за словом в карман и редко подавляет свои мысли, обычно брезгает грязными интригами. Чжоу Шэн слышал, что Чу Циньбай сам пробивал себе путь. В таком сложном мире, на такой высоте, слова «простота» или «индивидуальность» неуместны. Значит, это была уверенность в себе.

Он не опирался на семью Чу. Гордость была его фундаментом, а способности — главным оружием. Чжоу Шэн хоть и подкалывал его за дерзость, но никогда не отрицал, что такой Чу Циньбай ему не неприятен.

Слишком долго пробыв во тьме, легко ослепнуть от света таких людей, как Чу Циньбай. Его мир был как зеркало, в котором Чжоу Шэн отчетливо видел разницу между двумя эпохами и лучше понимал самого себя.

После 1937 года он редко представлялся именем Чжоу Шэн. В первое время после пробуждения на больничной койке он часто терялся в том, кто он такой. Но сейчас он знал точно: он — Чжоу Шэн. Тот, кто должен был умереть в 1945-м.

Это осознание собственного существования дарило ему странное спокойствие рядом с Чу Циньбаем. Состояние, отличное от того, что он испытывал в компании «Чжоу» или даже в приятной беседе с Чу Суймином.

Чу Суймин долго смотрел на его профиль, молча. Заметив необычную тишину, Чжоу Шэн вопросительно взглянул на него.

Чу Суймин пришел в себя и медленно произнес:

— Теперь мне стало ужасно любопытно, как же вы уживаетесь с такими разными характерами.

Чжоу Шэн помедлил:

— Возможно, нам постоянно хочется развестись?

— Что?! — Чу Суймин, казалось, был шокирован. — Чжоу Шэн, я знаю, что он по натуре одиночка. Я был удивлен вашему браку, но теперь вынужден признать, что ему крупно повезло. Кроме тебя, я даже не представляю, кто еще мог бы с ним ужиться.

Чу Сюймин проявлял необычное беспокойство. Словно этого было мало, он добавил:

— Он не любит, когда лезут в его дела, но если между вами возникнут проблемы, можешь сказать мне лично. Я с ним поговорю.

Чжоу Шэн, понимая, что отношения между братьями, должно быть, неплохие, сосредоточился на другом:

— Одиночка? Это значит холостяк?

Чу Сюймин: «...»

Кажется, он не на том акцентировал внимание. Он посмотрел на Чжоу Шэна и решил, что ругать брата прямо при нем — не лучшая идея.

— Я не ругаю его, просто у него скверный характер, никто его не выносит.

Чжоу Шэн понимающе кивнул, закрывая тему.

Президент Чу еще несколько раз бросил на него взгляд, словно хотел что-то сказать, но смолчал.

— Что-то случилось, старший брат? — спросил Чжоу Шэн.

— Ничего, — покачал головой Чу Сюймин.

У Чу Циньбая, конечно, не было недостатка в поклонниках — одних подписчиков в соцсетях было шестьдесят миллионов. Но Чу Сюймин никогда не видел никого, кто подходил бы ему в качестве супруга. Теперь, когда он наконец женился, да еще и на таком... во всех отношениях выдающемся человеке, если они разведутся, виноват будет явно Чу Циньбай.

В половине десятого они прибыли к дому. Чжоу Шэн по этикету пригласил гостя войти. Чу Сюймин, который сначала не собирался, вдруг передумал и вышел из машины.

Двое мужчин вошли в виллу. В гостиной, в домашних тапочках и с заспанным видом, с лестницы спускался Чу Циньбай.

Чжоу Шэн, не понимая такого режима дня, отправился оставить сумку и предупредить экономку, тетюшку Чжан, о госте.

Чу Циньбай стоял на лестнице, проводив взглядом спину уходящего в кухню Чжоу Шэна. Он

встретился глазами с братом и, зевнув, небрежно спросил:

— Ты чего приперся?

— Только проснулся? — нахмурился Чу Сюймин.

Чу Циньбай странно на него посмотрел:

— Я работал всю ночь и утро, с каких пор тебя волнует мой сон?

Он подошел к холодильнику, достал банку пива и бросил ее брату. Чу Сюймин поймал ее, взглянул на кухню, сделал пару шагов к Циньбаю и понизил голос:

— Мне кажется, ты слишком холоден к Чжоу Шэну. Вечером не встретил, при входе даже не поздоровался. Где твои манеры мужа?

Чу Циньбай с хлопком открыл пиво и сделал глоток. Он усмехнулся:

— Ты что, перепил?

— В смысле?

— Если нет, то почему несешь всякую чушь?

Чу Сюймин: «...»

Это чувство раздражения было ему до боли знакомо.

— Ты правда хочешь развестись с Чжоу Шэном? — спросил он.

Чу Циньбай взглянул на него:

— Он тебе сказал?

— По его виду я понял, что вы оба этого хотите.

Чу Циньбай ответил холодно:

— Забыл сказать: в контракте с семьей Чжоу есть пункт о том, что брак не может быть

расторгнут.

Лицо Чу Суймина помрачнело. Хотя теперь, узнав Чжоу Шэна, он хотел посоветовать брату отнестись к браку серьезно, но, услышав, что тот поставил на кон всю жизнь, он снова разозлился.

Когда Чжоу Шэн вышел из кухни, он застал братьев в напряженной позе. Чу Суймин был в ярости, а Чу Циньбай оставался невозмутимым.

— Старший брат, тетушка Чжан спрашивает, что вы будете есть? — спросил Чжоу Шэн.

Чу Суймин обернулся и сменил гнев на милость. Чу Циньбай тоже посмотрел на Чжоу Шэна.

Тот встретился с ним взглядом и добавил:

— Нужно уважать старших. Одиночка.

Чу Циньбай нахмурился:

— Что ты сказал?

— Ругаю тебя за невоспитанность.

— Обзывать женатого мужчину одиночкой? — усмехнулся Чу Циньбай. — Станный способ ругаться. Если я одиночка, то кто тогда ты?

Чжоу Шэн посмотрел на Чу Суймина. Чу Циньбай проследил за его взглядом:

— Это ты ему сказал?

Чу Суймин почувствовал себя неловко. Что за бред?

Чу Циньбай сжал пустую банку и бросил ее в мусорное ведро. Взглянув на Чжоу Шэна, он бросил брату:

— Не учи его всякой ерунде.

<http://bllate.org/book/19123/1878037>